

—

Как только Тянь Юй вспомнила о жалком виде своего сына, а затем посмотрела на Ши Чжу, чьи щёки были румяными, глаза сияли, а одежда была сшита из тонкого хлопка, ей стало невыносимо больно.

Мысль о том, что всё это должно было принадлежать её сыну, делала взгляд Тянь Юй всё более свирепым. Ей хотелось сожрать Ши Чжу заживо.

Ши Чжу, заметив её взгляд на себе, намеренно поднял руку, чтобы показать серебряный браслет на запястье, который подарил ему муж. Он не сразу согласился его надеть, но, поняв, что он серебряный, с радостью это сделал.

Как он и ожидал, взгляд Тянь Юй, упавший на браслет, стал ещё более злобным, а на лице читалась сильная обида.

Обида? Ши Чжу не понимал, на что она обижается.

Это они заставили его поменяться местами, и Сябин сам вступил в тайную связь с мужчиной, чтобы стать любовником. Он совершенно не мог понять логику этих людей.

Они сами натворили глупостей, а теперь, когда им плохо, они винят небо, землю и воздух, но только не себя.

Стояла ледяная погода, изо рта шёл пар. Ши Чжу не хотел тратить на неё время, потому что с такими людьми спорить бесполезно.

Он сказал прямо: «Тётушка, пожалуйста, отойдите. У вас, может, нет дел, а у нас есть».

Тянь Юй была полна негодования. Она стояла посреди дороги, показывая всем своим видом: «Попробуйте только меня сбить».

Она продолжала громко говорить: «Ши Чжу, Ши Юнь, вы, два неблагодарных волка! В праздники не принесли ничего хорошего, чтобы навестить меня и вашего старшего дядю! Вы купили вола, но в сезон полевых работ не пришли помочь! Зря я и ваш старший дядя, будучи добрыми, приютили вас, когда ваши рано умершие родители скончались!»

Ши Чжу мог игнорировать оскорбления в свой адрес, но когда она заговорила о его родителях, его изначально равнодушный взгляд мгновенно сфокусировался на Тянь Юй, которая продолжала ругаться.

Хотя у него не было особых чувств к родителям прежнего владельца тела, он больше всего ненавидел, когда кто-то оскорблял родителей.

Мысль подшутить над ней, как над клоуном, мгновенно исчезла. Его древесная способность мгновенно активировалась, превратившись в бледно-зелёный кнут, который со свистом хлестнул Тянь Юй, стоявшую, подбоченясь и ругаясь.

«Ах!» — Тянь Юй, увлечённая ругательствами и довольная тем, что Ши Чжу не может ничего ответить, внезапно, не поняв, что её ударило, отлетела назад и упала в снег. Она только увидела перед собой вспышку зелёного света.

Ши Чжу с отвращением посмотрел на лежащую на земле Тянь Юй, и его голос стал ледяным: «Это первый и последний раз, когда вы ищете с нами ссоры. Если будет следующий раз, то это не ограничится одним ударом кнута. И ещё, мы с Сяо Юнем разорвали с вами родственные связи. Не пытайтесь больше цепляться за нас».

После этого он, не глядя на корчашуюся от боли Тянь Юй, восстановил свой прежний лёгкий тон: «Брат Хэн, поехали быстрее. Зимой холодно до смерти. Внезапно появилась эта отвратительная дрянь, несчастливый знак».

Ди Хэн, сидевший спереди, молча спрятал свой большой тесак. Он собирался достать его и выйти, чтобы преподать ей урок, но его маленькая жена оказалась слишком быстрой.

Он хотел утешить её, но, прежде чем успел открыть рот, услышал радостный голос жены: «Вернёмся, примем ванну и съедим хого. Это отгонит неудачу и согреет».

Ди Хэн, увидев, что настроение жены не испорчено и что с ним всё в порядке, успокоился. Он кивнул, одобряя его идею, и, управляя повозкой, объехал Тянь Юй и продолжил путь.

Ши Юнь, видя, что его брат ведёт себя как обычно, тоже успокоился. Однако он, будучи маленьким мальчиком, стал ворчать, как старая мамочка: «Брат, в следующий раз, если что-то подобное случится, мы с братом Ди сами решим проблему. Ты сейчас в положении, тебе нужно быть осторожным».

Он знал, что брат держал его за руку, чтобы тот молчал, потому что беспокоился, что если он вступит в спор или драку со старшим родственником, это может навредить его репутации и карьере.

Хотя они порвали родственные связи, есть поговорка: «Даже если кости сломаны, сухожилия всё равно связаны». Некоторые люди упрямо считают, что родственники всегда останутся родственниками, и одна бумага не может разорвать кровные узы.

Им наплевать на обиды, боль и унижения, которые они пережили, и они осудят их с высоты своих мнимых моральных принципов.

Это эпоха, где репутация очень важна, и Ши Юнь собирается сдавать экзамены. У него большое будущее, и нельзя, чтобы какой-то бездельник это разрушил.

Что касается самого Ши Чжу, есть поговорка: «Выданная замуж дочь как пролитая вода». В эту эпоху вышедшие замуж дочери принадлежали другой семье и редко возвращались домой, кроме как на праздники, практически теряя связь с семьёй. То же самое относилось и к герам.

К тому же, даже если Тянь Юй расскажет людям, что Ши Чжу её избил, ей всё равно не поверят. Сравнив её тучное тело с хрупкой фигурой Ши Чжу, к тому же беременного, люди решат, что она лжёт и пытается его оклеветать. Тем более, у неё самой была плохая репутация, и её словам никто не поверит.

Ши Юнь много говорил. Он не хотел стоять позади брата, будучи бесполезным ребёнком, которого нужно защищать. Он вырос, и теперь он тоже может защитить брата. К тому же, брат всегда был важнее карьеры.

«Ладно, ладно, понял, понял», — Ши Чжу небрежно кивнул в знак согласия.

Погладив Ши Юня по голове, он сменил тему: «Какой бульон для хого ты хочешь? Какие

овощи? Хочешь ли ты маленькие кусочки мяса или фрикадельки? Я тебе говорю, это очень вкусно...»

Ши Юнь, надув щёки, смотрел на Ши Чжу, который так неуклюже сменил тему, но в конце концов вздохнул. Ладно, главное, чтобы брат был счастлив.

Затем он с энтузиазмом начал обсуждать с Ши Чжу, какие блюда они хотят, время от времени Ши Чжу спрашивал мнение мужчины, а Ди Хэн на всё, что говорил Ши Чжу, просто отвечал «хорошо».

Повозка, сопровождаемая их весёлым обсуждением, постепенно скрылась из виду, оставив все неприятности далеко позади.

«Уголёк, ты скучал по мне? Хорошо ли ты себя вёл дома?» — Как только они приехали домой, маленький чёрный комок подбежал к ногам Ши Чжу, виляя хвостом и лапаясь.

«Гав-гав!» — Круглое тельце Уголька прыгало у ног Ши Чжу, а передние лапки цеплялись за штанину.

Ши Чжу поднял подросшего питомца, улыбаясь и дразня пухлого Уголька.

Было холодно, дорога была длинной, а Уголёк ещё мал. Боясь, что он замёрзнет и заболеет в пути, его оставили дома. Теперь, увидев их возвращение, малыш жалобно скулил, будто был ужасно обижен.

Прижавшись к Ши Чжу, он тыкался маленькой головой в его руку. Ши Чжу баловал питомца, гладил его по голове, и Уголёк, полностью расслабившись, даже подставил животик.

Поиграв немного с Угольком и поставив его на пол, Ши Чжу встал, вымыл руки и направился на кухню готовить основу для хого.

Буквально пару дней назад они ели хого с бараньим хребтом. Ши Чжу причмокнул, захотелось чего-то кислого, поэтому он решил сделать бульон с кислой капустой.

Сказано — сделано. Он достал из банки засоленную кислую капусту, которую мариновал в начале зимы. Это был первый раз, когда они её пробовали.

Как только он достал капусту, в нос ударил кислотный и слегка пряный запах. А ещё — ни с чем не сравнимый, уникальный аромат кислой капусты, от которого у Ши Чжу чуть ли не потекли слюнки.

Он промыл капусту водой, чтобы удалить лишнюю кислоту и соль, и отложил её на тарелку.

Он достал одну вяленую рыбу, попросил мужчину нарезать её кубиками. Нарезанную рыбу замочил ненадолго в воде, а сам взял суповую кастрюлю, налил воды и поставил варить бульон.

Ещё он попросил мужчину выловить из чана свежую рыбу. Почистив её, он нарезал тонкими ломтиками и разложил на тарелке. Эту рыбу Ши Чжу раньше поймал в горах, и она осталась в чане.

Их кормили не очень тщательно. Остатки овощей после готовки либо бросали курам, уткам, гусям, либо этим рыбам. Несмотря на такое небрежное кормление, рыбы не только выросли, но и стали выглядеть довольно упитанными, и крупные, толстые рыбы заполняли чан.

Ши Юнь сидел перед печью и раздувал огонь. Кастрюля с бульоном булькала, поднимался белый дым, сплетая солёный аромат вяленой рыбы с уникальным запахом кислой капусты, что было невероятно аппетитно.

Ши Чжу сидел на высоком табурете, который принёс ему муж, и ел сухофрукты, приготовленные из слив, купленные в посёлке. Хоть они и были покрыты сахаром, все равно были настолько кислыми, что у людей текли слюни. Ши Юнь и Ди Хэн, попробовав по кусочку, тут же закрыли рты, их лица скривились от кислоты. Зато Ши Чжу совсем не чувствовал кислоты, он одну за другой отправлял сливы в рот, тщательно пережёвывая их, и обнаружил, что они очень аппетитные.

Сегодня тётя и остальные ушли, поэтому обедали они только втроём.

Привыкнув к трапезе в оживленной атмосфере в компании людей, Ши Чжу немного растерялся, увидев за столом троих, и почувствовал себя несколько одиноко.

Но как только дымящийся хого оказался на столе, а ингредиенты опустились в него, и ароматная еда попала в рот, та маленькая сентиментальная грусть растворилась, как пена.

После еды Ши Чжу, держа в руках чашку горячего чая, развалился в шезлонге и лениво любовался медленно падающим снегом.

В этом году снег выпадал уже несколько раз, и он лежал толстым слоем вокруг дома. Белоснежный покров придавал маленькой горной деревне чистую и холодную зимнюю красоту.

—

<http://bllate.org/book/12838/1131737>